

Каждый день, возвращаясь из школы, дети, как повелось, заходили в сад Великана поиграть. Это был большой красивый сад, и трава там была зелёная и мягкая. Из травы тут и там, словно звёзды, выглядывали венчики прекрасных цветов, а двенадцать персиковых деревьев, которые росли в этом саду, весной покрывались нежным жемчужно-розовым цветом, а осенью приносили сочные плоды. На деревьях сидели птицы и пели так сладко, что дети бросали игры, чтобы послушать их пение.

— Как хорошо нам здесь! — радостно кричали дети друг другу.

Но вот однажды Великан вернулся домой. Он навещал своего приятеля — корнуэльского Великана-людоеда —

и прославился грацией танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звёзд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернётся обратно. Но она вернулась, потому что у неё был очень кроткий характер, и возвращение её было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождём золотых звёзд. Газеты с большой похвалой отзывались о её публичном выступлении. Придворная Газета назвала её триумфом Пилотехнического искусства.

— Пиротехнического — хотели вы сказать, Пиротехнического, — отозвался Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочёл надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю Пилотехнического, — возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задирать маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... о чём же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну, разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно

теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — так же, как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Стоит нам где-нибудь появиться, и мы тотчас привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока ещё ни разу не приходилось выступать публично, но, когда, это произойдёт, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк.

— Куда же вы! Куда! — взвизгнула Ракета. — Мне ещё очень многое необходимо вам сказать — Но Утка не обратила никакого внимания на её призыв. — Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У неё необычайно мещанские взгляды. — И она погрузилась ещё чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел

гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поёжилась и сказала мужу:

— Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студёный ветер, я совсем замёрзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, — сказал муж.

И жена не ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло ещё немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и её глаза были полны слёз. И тогда он быстро вошёл в дом и положил ребёнка ей на колени. А она, поцеловав ребёнка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребёнка янтарное ожерелье и тоже спрятала его в сундук.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился всё красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были, как лепестки нарцисса, а губы — как лепестки алой розы, и глаза — как фиалки, отражённые в прозрачной воде ручья. И он был строен, как

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слёзы, — ответила статуя. — Я жил во дворце San-Souci*, куда скорби вход воспрещён. Днём я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружён высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня всё было так прекрасно! «Счастливый Принц» — величали меня приближённые, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слёз.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у неё измождённое, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иголкой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шёлковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, её больное дитя. Её мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет.

* Беззаботности (франц.) — прим. ред.

